

18+

ДМИТРИЙ БЛИЗНЮК

Снегопад в стиле модерн

СТИХИ, ВЕРЛИБРЫ

Дмитрий Близнюк

**Снегопад в стиле
модерн. Стихи, верлибры**

«Издательские решения»

Близнюк Д.

Снегопад в стиле модерн. Стихи, верлибры / Д. Близнюк —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986527-4

В сборнике «Снегопад в стиле модерн» Дмитрия Близнюка представлены лучшие тексты, написанные им в 2018—2019 гг. Автор выражает благодарность Сергею Герасимову и Даше Якутия за неоценимую помощь при составлении сборника. Фотографии — на обложке — Marcel Van Luit

ISBN 978-5-44-986527-4

© Близнюк Д.
© Издательские решения

Содержание

«СНЕГОПАД В СТИЛЕ МОДЕРН»	6
первое сентября	9
фотографии островов	10
снежные русалки	11
я жгу черновики в твоём животе	12
мир анаконды	15
ешь, люби, молись	16
элегия для Л. К.	18
багдадский вор	19
тайник за ушами	21
25 час	24
чекист времени	25
бетонные сады	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Снегопад в стиле модерн Стихи, верлибры

Дмитрий Близнюк

Редактор Сергей Герасимов

Корректор Даша Якутия

© Дмитрий Близнюк, 2020

ISBN 978-5-4498-6527-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«СНЕГОПАД В СТИЛЕ МОДЕРН»

(стихи, верлибры, 2020)

Даше
рысь моего сердца...

река любит мостом, лежа на спине,
как небо – Нотр Дам де Пари,
врожденное плоскостопие мысли, волны;
твой домик возле железнодорожных путей —
похож на енота с усами-проводами, а в глазах —
занавесочки и голубизна вечернего экрана.
а жизнь – как течение,
жизнь – как чтение на планшете в рабочее время:
все самое интересное приходится прятать от начальника,
откладывать на потом, наслаждаться исподтишка.
всюду торчат соглядатаи, надсмотрщики с песьими мордами,
доброжелательные палачи.
свобода – меч короля Артура;
ну вот, ты вырвал его из камня, едва не вывихнул запястье,
но что делать с королевской свободой?
съесть, выпить, поцеловать?
а рябина на лету тигром из оранжевых бусин
бросается сквозь огненное кольцо заката,
отраженного от стекла вагона:
нечто прячется между секундами —
это микробы наивысшей формы жизни.

ты лежишь в гамаке
под сенью двух витражных соборов,
небо сыплется голубыми квадратами пепла;
всем своим загорелым телом ты фантазируешь себя
лакированным детенышем виолончели:
вот здесь и здесь пройдут красные нервы,
пролягут тугие струны;
а тени ветвей задумчивыми пальцами
перебирают твое меняющееся в светотени лицо,
змеящиеся локоны...
и в глазах пульсируют серые миндалины неба,
нечто недоброе, инопланетное рвется наружу.

так противопехотная мина в лесу – со времен второй мировой,
устала лежать, ржаветь годами в сырой земле,
под густой травой. и ждать шагов,
его шагов.

ты устала ждать любви. оттолкнувшись ногой
от ствола яблони (сняла босоножки),
раскачиваешь небо целиком – тушу синего быка
на солнечном вертеле,
а тени листвы шаманят над твоим лицом,
так дети изображают чародеев, гаррипотеров, колдунов —
сетчатая магия тишины и серые глаза
замедленного действия...

так лиса на воротнике пальто
чувствует белое горло:
родинка, бьется синяя жилка. что за мука и сладость
быть рядом с мечтой. вот-вот.
пусть пусты глазницы
и шершавая рыжая пасть мягка, как обувная стелька,
а сгнившие на две трети уши
ничего не слышат. но запах шеи, артерии.
как арфа – всего одну музыкальную жилу перегрызть,
всего одну жизнь пережить.
все мои несбывшиеся мечты – черные лисицы —
бродят вокруг большого дома с молочными колоннами,
становятся на задние лапы
и заглядывают в окна веранды, шевелят ноздрями.
птенчик, выходи.

у нее внутри работает кондиционер.
едва слышно. щелчки.
что-то переключается при улыбке,
даже когда обнимаемся и я целую, внутри —
под блузкой и атласной кожей,
как подснежники сквозь фольгу,
пробиваются слепые ростки.
сквозь внутренний снег, который и свет.
зрачки покрыты инеем,
как своды прозрачных пещер рисунками.
это я выдумываю, конечно, но ее слова
приятно остужают: так в жару
переворачиваешь подушку —
приятной прохладцей к затылку. почему же она
исподволь влюбляется в меня,
как морозильная камера в пачку пельменей?

лежит второй год, пережила семь разморозок.
осколок Снежной Королевы
со вкусом курятины,
с ароматом подснежников.

прямо по курсу – незнакомая планета
в летнем голубом платье.
тонирующая статуя в бумаге.
ее серые глаза:
она впустила мой взгляд в серые пещеры,
а я, сам не ожидая, ворвался в них
трепещущей стаей нетопырей;
этот миг вобрал в себя невозможное —
я выиграл в лотерею разводных мостов,
летающая пуля зависла над моей головой
и спросила:
«можно?»

первое сентября

в просторном, чистеньком классе самка учителя
щелкала фамилии на белой простыне потолка,
а дети пульсировали, подрагивали, как поплавки.
безнадёжно живые глаза тихо выкрикивали поэмы детства —
потерянные одиссеи для человечества.
не было ни одного учителя, которого я любил,
класс не отторгал меня — я был частью карлика, толпы,
но чувствовал инородность — пуля, застрявшая в мышце,
осколок в складках жира.
прятал личность, как розу или нож,
и всегда ждал лета —
райские каникулы, медовый эдем, солнечная отмель
посреди страдающего ада.
а лето...
а лето — дождливое, быстрое, укороченное — спешило,
как кормящая кошка, услышавшая звук
открываемого холодильника,
и с сосцов соскальзывали дни-котятка —
июня, июля...
и становилось страшно, и я становился старше.
время ускорялось...
скоро в сутках будет 24 минуты, потом 24 секунды,
потом вдох и выдох,
и пятнистая гиена первого сентября прыгнет в объятия,
падаль циферблата.
на этой планете лучшие годы проводишь среди чудищ,
больных волшебников и великанов...

фотографии островов

ребенок не научился прятать разочарование.
а лес наполняется снегом, как вены холестерином,
наш домик в деревне – ковчег для четверых и всей свиты:
собака, кошка, нутрии, куры, теленок в закутке.
а лес наполняется снегом, как память – белым мокрым пеплом
прожитого, но почему же я ничего не могу разглядеть?
трактор чистит дорогу мощной клешней, фырчит, тарахтит,
его электроглаза без век и ресниц дрожат, как у краба, на спицах.
зачем я приехал сюда – в холодную белизну —
писать новый роман?
улитка с ноутбуком. здесь настоящая зима,
ее можно потрогать пальцем,
как спящего гризли, – аккуратно выломав лед
в закупоренной берлоге:
чувствуешь запах прели и мокрой псины, ягодное дыхание?
бессонный зверь, я вернулся к тебе,
жить с тобой в гудящем тепле, есть жареную картошку,
цедить сироп твоих золотых волос, просто так касаться тебя —
не ради похоти или продолжения рода,
и разбирать по утрам монотонный бубнеж выюги.
я смотрю на зиму из твоего лица. все мы прячемся
за толщей стекол-одиночеств, смотрим в иллюминаторы,
и зимняя ночь проплывает мимо,
и над нами словно круизный лайнер:
там созвездия-миллионеры пьют квазарный сок
и щебечут непонятные фразы на языке черных дыр.
а лес наполняется нашими стеклянными трофеями, статуями,
милым бессмыслием. мельтешат белые хлопья,
но не твои ресницы – осмысленные жнецы с шелком,
серпами и сажей.
все эти воспоминания – фотографии островов.
на некоторых есть мы.
но мировая необитаемость сводит с ума, и я уже смотрю на мир
в прошедшем времени, как звезда, испустившая свет,
и свет вернулся к звезде,
отраженный от будущей монолитной тьмы.
любимая, мы одни. и лисица кричит в лесу – так издает писк
наш старенький картридж на принтере.
распечатай же зимние вечера, где есть мы, наша семья,
пока зимний лес заполняет меня.
сколько же священной голодной пустоты
(снаружи и внутри),
готовой принять любой осмысленный хлам, звук, лик.

снежные русалки

идем сквозь снегопад; вечер;
то ли улыбаюсь, то ли кривлюсь, плотная тишина
проступила, как белые вены в синем воздухе,
стеклянная кожа покрылась пупырышками,
и мягкий хруст твоих сапожек;
ты мне что-то говоришь —
(о проросшем луке, о пользе рыбьего жира),
а слова косо и глухо врезаются в снежное марево,
как бревна сплаваемого леса по ночной реке,
но я отдаю тебе скелетную часть головы с ухом,
как ручку от разбитой чаши – сам же слушаю снегопад,
заповеди снежинок: не люби, кружись, избегай
тепла. и тогда попадешь после весны в ледяной рай...
бррр... сколько же миров, которые мы никогда не поймем
и они не поймут нас. держимся за руки,
потертая медная бляха «влюбленность»,
сплющиваем пропасть между нами, а снегопад
киянкой тополей
забивает огни, электрические гвозди, золотых ежей —
в густую тьму, отороченную насыщенной синевой;
и движется снег с подветренной стороны на деревьях —
шевелят плавниками снежные русалки
на черных ветвистых стволах,
но они счастливы! Господи,
сколько же вокруг снежинок, снаружи, и на ребрах, внутри;
мы – полубоги – идем сквозь рваные сети зимы,
а сумасшедший разбрасывает почтовые марки
с сенбернарами, как конфетти...

Я ЖГУ ЧЕРНОВИКИ В ТВОЕМ ЖИВОТЕ

разжуй виноградную косточку чувствуешь терпкость и горечь
женщина с прозрачным животом и чугунным корсетом
я жгу свои черновики пока ты
скульптура богини очищенная от мраморной скорлупы
куришь тонкую гадость с ментолом выдыхаешь неумело дым
шкура белого медведя скользит под нами но не рычит
колется как парик давай потанцуем включи джодасена
голые и смешные пока снегопад за громадным окном
затирает ластиком тьму соскребает ножом
ворсисто-коричневые каракули виноградника
ты разлила вино на скатерть на меня
тест для любовников но нам все равно все равно
мы в горячей извилистой коре моего мозга
долгоносики поедаем целлюлозу а желтый дятел полнолуния
терпеливо и настойчиво долбит стену
перфоратором сквозь паузы между мелодиями дрожат часы
соскальзывает наискось плазма экрана
обои трескаются отрекаются
вздуваются пузырями но нам все равно нам все равно
мы танцуем под джодасена чем заняться еще
глупым любовникам в январе

когда время праздников отпусков и каникул
и наши не общие дети лепят снеговиков у родственников
осколками близких людей мы разбиты
это ворованное время ты возьмешь мое а я твое
и у нас будет алиби модная буржуйка из чугуна и стекла
и медвежья шкура и вино мы внутри медленного урагана
времени нашли слепое пятно и завтра придется стирать скатерть
выбрасывать пепельницу переполненную окурками
сердце переполненное разочарованием
скрывать следы преступления
мой запах на твоём теле тля на розе как дети
а сейчас я смотрю в твои глаза и вижу в них вечность
зеркала накрытые темно-бронзовым покрывалом
Etsitun'existaipas я бы искал тебя в других глазах плечах
попах но я рад что сегодня нашел тебя в тебе
женщина с прозрачным животом и ночным зазеркальем
в карих каштанах ты дерево сексуальная лиана я рад
что мы случайно стукнулись лбами
в плюшевых пещерах жизни и лжи
ползая на карачках по семейным делам
виноградная гроздь лица из тебя бы вырезать виолончели
или приклады для охотничьего ружья я жгу черновики
в твоём животе пока ты дремлешь положив голову на мою грудь
снегопад за окном впитал нас точно кожа оливковое масло

теперь снегопад целый месяц будет транслировать нас
танцующих на зыбких экранах хвастать проходим
что видел нас но никто не поверит да и кому какое дело до
ми
ре
глупых любовников в январе

окна, омытые дождями —
как глаза младенцев, еще пусты.
еще нет души, жизнь ещё не оставила на стенках зрачков
накипь ржавчины, боли и радости.
зарисовки глубины.
темная лента шоссе убегает в лес, как солитер,
в желудок камбалы,
мягко шуршит велосипедист, точно сама земля дышит
сквозь его колеса,
и мягкое мелькание спиц —
вращающиеся механически легкие;
голова наполняется пониманием мира,
как батискаф – таинственной жидкостью...

молчание с любимой...
в лодке весла сдвоены, как хлястики вишни;
чувствуешь кубичность бытия. объем сознания.
души перемножены тишиной, гулкой, как в бассейне,
и можно читать стихи над водой,
строки проскользнут, как выдры,
и ты все услышишь: скрип троса,
поднимаемого из колодца;
луна, как разрезанная дыня в ведре с нефтью.
мне классно молчать с тобой.
это пьеса зеркальных существ: зеркальная кошка,
зеркальный стул и стол. задыхаешься от любви.
нет, это мы на глубине, и ты что-то спросишь,
прутик опустишь в воду, но нет дна,
и я промедлю молчанием.
мы молчим вдвоем —
так галактики проходят сквозь друг друга,
как нож сквозь нож.

а я устал от зимы,
от чуткого средневековья ткани и мехов.

тело требует солнца, как слепой —
новых тросточек,
как лопухий балбес – щенка
на день рождения.
зима – это смерть лайт.
белый холодный сон холодильника.
живая, но сонная лягушка сознания
бултыхается в банке с питательным раствором,
стеклянные стенки покрыты инеем.
душа тренируется —
готовимся к запуску в страшный космос послесмертия,
шуршит и мигает ворох датчиков,
длятся испытания на
нравственную выносливость,
легкое взвездное дыхание.
Белка или Стрелка, – выбирай себе
имя, кличку, название.
все имена – как детская одежда,
сваленная в кучу в Освенциме. бррр.
вытягиваю из себя зимнюю мысль,
как серебристую занозу,
как черную нитку из желудка.
что же я такое сожрал, Господи..?

занавески вдуваются внутрь:
парусник врезался в нашу квартиру,
наполнил комнатный воздух морем,
голубой солью, на палубе – паркет.
соленые брызги на обоях,
и ветер с розой в зубах, как с абордажной саблей —
опрокинул вазу, ползет по ковру;
один миг – и синий мир швырнул нам в лицо
инкарнацию, фантом иной эпохи,
мокрые брызги.

так пепел рукописей сопротивляется,
наливается плотью, целлюлозой,
и на белых листках – проявляются слова,
и форточки дерутся, лупят друг дружку,
как однорукие боксеры.

мир анаконды

белые, стальные от пыли тополя ждут дождя,
так морена ждет снегопада:
вот бы горсть снежинок поймать
вытянутым, каменным ртом.
так мы ждем светлого будущего. как буран,
оно должно обрушиться на нас, сбить с ног,
как ласковый и мощный сенбернар облизать лицо.
увалить нас
на электрический диванчик счастья. но – нет.
лишь кристаллы-лезвия просачиваются в настоящее,
капли – конденсат будущего, невидимая стена
сдерживает цунами времени,
будто стекло террариума – аллигаторов.
ведь ускорение – это будущее —
пробегись по аллее
сквозь варановую разлапистость листьев,
вот и немного твоего будущего. сядь за руль
и разгонись хорошенько на проспекте ленина.
уйди в игру, загул или на войну, и вот оно
будущее – с радостью поглощает тебя, ослепляет,
заражает статуи в саду туберкулезом костей,
царапает шилом бельма,
почти живые глаза.
и неважно – озарен ты книгой или отуманен женщиной,
каждый твой шаг —
усатая балерина из твердого сыра
вытанцовывает по терке, по острой наклонной терке минут.
и не стоит стремиться в будущее – в пищевод,
когда кролик погружается во внутренний мир анаконды,
не зажмуривай красные глазки, не ускоряйся, о нет!
цепляйся из всех сил когтями, ушами об стены,
когда мышцы сокращаются, проталкивают тебя в трубу.
хочется сбежать от будущего
в любой рукав, ответвление,
подворотню, искусство, творчество, дружбу, любовь.
с тобой или без тебя.
боже, они гонят стаю хомячков
вениками по улице на убой, навстречу драконам...

ЕШЬ, ЛЮБИ, МОЛИСЬ

опавшие листья липы в парке,
точно желтый скелет борзой,
покрытый лаком, каждая косточка плюсовая.
полоски ребер, как бракованные детали рояля,
и воображение наделяет
плотью,
обмазывает красной глиной, сетью тягучих вен.
натягивает короткую черную шерсть, как рейтузы с начесом,
приращивает острые уши на сухожилиях,
вставляет глаза.
соединяет зрительные нервы со зрителем и гончая
чернозема вскидывается, и тут же заваливается на бок.
в легких вместо воздуха – остатки дождя
с каштаном и монетой,
легкая судорога ветра, мышцы еще не разработаны,
сердце жесткое, как новенькая клизма.
а тварь творения
с черным блестящим отчаянием смотрит на меня,
не в силах подняться и побежать,
нюхать кролика. ничего, я подожду.
я тебя наполню сознанием,
красным утерянным сандаликом с налипшими песком.
я здесь надолго – в этой осени.
сколопендры берез ползут по небу,
троллейбусики в ярких пятнах рекламы.
я буду тебе папой и мамой.
вот так достаю из небытия
из теплой сумки кенгуру не идею, но нечто иное:
ушастая, прозрачная, как цепь бензопилы, в машинном масле.
здравствуй, говорю, я тебя оживлю.
вот пень спиленного дуба и кольца внутри светлы —
со стороны, точно зародыш младенца в разрезе древесном,
и призрак шевелит губами, как нога тапками,
формирует слова, что-то хочет мне сказать...

да, я волшебник.
и пусть нет у меня власти над миром,
прямой и грубой, как хотел бы мой живот, мой кошелек.
но, когда записываю в уме формулы звезды и песка, бурьяна,
высасываю из дырочки яйца птенца,
происходит оцифровывание бытия для Бога.
человечество – большое дерево, ветки трухлявы,
точно кости изъеденные туберкулезом, но можешь не прятаться,
я чувствую тебя,
мерцающий фиолетовый зверь вселенной.
с желто-красным оскалом ночного Макдональдса,

млечного пути,
засохшего сыра старушки с пуделем в мышеловке сквера.
смертные снаружи, бессмертные внутри.
я – та причина, по которой нас всех стоит спасти,
или просто не есть,
не удалять с компьютера.

Элегия для Л. К.

город уполз, как пес с перебитым хребтом,
оставляя темную мазутную жидкость заводов за собой.
вчера вытаскивали из моего зрачка
стружку металлическую,
тончайшую спираль.
глазная жидкость вокруг пореза уже начала ржаветь,
и я оставил мысленную зарубку
в стеклянном лесу времени:
обязательно напишу об этом однажды... когда вырасту
настоящим человеком,
а реальность улыбается, как гиена.
сорок одна атмосфера – мощь укуса.
вечером снимаю плавки, но тело
выделяет машинное масло, как деревья – смолу.
боже, сколько же заноз проглотила моя жизнь,
как пьяный факир – столовых, кухонных ножей!
а помнишь, в детстве мы боялись:
иголка может упасть за воротник, а оттуда – в вену,
а оттуда – в сердце,
как лодка, быстро поплывет по течению,
и ты умрешь.
мастер вяло ругался, как морщинистый фаллос:
«когда режешь металл – надевай защитные очки»,
но в защите цех плывет перед глазами —
плывет потный, близорукий, мультяшный мир.
лучше с жизнью – один на один.
лучше смотреть воочию, как нацеленная игла
плывет по красной реке, точно водяная змея.
мысль, попавшая в кровеносное русло,
обязательно достигнет сердца и убьет.

багдадский вор

ну, здравствуй грозный, тихий океан.
страшная темная колыбель глубины.
через тебя редкий Мессия пройдет по волнам,
не потеряв веры в себя, не свихнувшись синевой.
здравствуй, праотец,
рад, что нас разделяют прыжки эволюции.
всматриваюсь в серо-сизо-зеленые, косо нарезанные хляби,
в иссиня-полупрозрачные внутренности чудища,
вывернутые наружу;
лакричные серфингисты на досках
копошатся в крученных волнах, как блохи.
дрожат новенькие яхты, точно зонтики для коктейлей,
но шутник-бармен приколот их к оцинкованному ведру с треской.
вот смуглая Ева выходит из волн, истекает океаном...
так новорожденный оборотень женщины
сверкает жидким серебром.
вчерашний шторм
выплюнул на берег бронхи,
вязанки хрусталя с водорослями.
и наши гладкие следы на песке тают,
как пещерная живопись на стенах
после дорогой шпаклевки.

рыбная лавка, илистая вонь, серебристые оплеухи,
выхолощенный шум вентилятора,
рыбьи морды с хищными бульдожьими челюстями,
глаза шук и пегасов – игрушечные,
точно выковырянные из хорошеньких кукол,
а вздорные рыбы губы – силиконовые эскизы в салоне красоты.
как Колумб, открывающий Багамы,
я открываю смерть для себя – исподволь.
остров за островом. неведомая, зыбкая земля.
мухи шаманскими движениями сводят с ума по спиральям;
царит полуденный зной – золотой
мускулистый полубог с головой петуха.
торговка в резиновом фартуке,
из глаз сочиться, как смола, ночная тьма;
прочные сети при лунном свете —
прорезают зеленую кожу русалок до хрящей,
торговка следит за мной.
морские загорелые демоны на кожаных ремешках
тащат в корзинах утренний улов.
о, если
швырнуть мою душу как морского конька и взвесить
на разболтанных медных весах – разум, сознание,
фосфоресцирующий узор яда – сколько я буду весить?

сколько я стою – денег, бессмыслия, любви?
но продавщица мне не верит, а серебристые сардины,
как полицейские, строго, бровасто следят за мной.
знают, что я настоящий вор,
что я на этой планете – чужой.
и у каждой рыбины – колокольчики на плавниках,
пробитых шилом,
чтобы багдадский вор ничего не смог украсть.

тайник за ушами

кровь звучит громче.
красные джентльмены на экскаваторе вождления
аплодируют, аплодируют, мигают желтые плафоны,
это кофеин или тестостерон?
спина выравнивается, как у дракона;
плечи чуть назад, чугунными ленивыми гирями,
нахальный взгляд охотника без ружья.
кровь кричит, разгоняет ледяных тараканов разума.
струна в животе тянется вверх,
цепляется грубой петлей за шейный позвонок, как за крючок,
никаких скрипичных колок – сплошная плотоядность.
вот и встретились пожарник и пожар, страх и наглость,
хотят подружиться.

а она тебя обвила
узкими ласками муравьеда,
тайник за ушами, расплавленный жемчуг слюны;
маленькое привидение дыхания – Каспер – гуляет
по ночному району тела.
точно поролон, ты пропитан её плотью, сутью, фамилией,
её ДНК, грибными спорами тысячи родственников;
это ли не вторжение на твою планету?
подмышка как школьный пенал:
вот шершавый ластик,
а вот химические карандаши родинки:
обслюнявить, чтобы четче писать.
ты чувствуешь её запах
на своей одежде – зеленая кислотная кровь «чужого»
проела металлическую обшивку крейсера на три этажа,
до самого двигателя внутреннего обманывания.
ты принимаешь душ, но снова возвращаешься
в облако её запаха, как в кокон.
улыбаешься,
насвистываешь чушь, и немного глупеешь.

Господи, зачем женщинам столько запахов?
столько удавок,
уловов, изящных арканов, петель, силков и капканов;
танки красоты воюют между собой —
стреляют ароматами, цветами,
тканями, красками, бижутерией.
красота не может спасти мир, но – только отвлечь,
завлечь на время.

женщина как тигрица в зоопарке,
которая еще не поняла, что решеток нет.

вечность проплывает мимо —
величественно и презрительно, как гренландский кит.
эти брызги, минуты, секунды,
смотри – они твои,
нищая форма жизни.
но я улыбнусь —
на ваших прочных космических крейсерах «миллионолетья»
никого нет, а звезды бессмысленны,
ядерные плевки.
все планеты сногшибательно мертвы и ядовиты.
смотри же, вечность, на нашем углу плоту
из плоти, кредиток и быстрых слов —
кипит жизнь, борщ и любовь...

дождливый день, тусклое солнце —
точно старик мочится через катетер,
а через минуту обрушится напалм дождя —
дырявый, как стеклянный сыр, изъеденный мышами;
дома, проспекты – каменные мыши, изъеденные сыром,
а я снова обнимаю тебя на балконе,
капкан, который уговорил лисицу остаться.
рассвет...
подъезд как серый сухарь,
в котором старухи и мыши прогрызли вход,
но забыли выход...

на потолке дрожал теплый круг света от свечи:
нежный призрак в скафандре, гибком и мягком, как пленка —
шагал по потолку – вдоль потолка —
в одномерном колдовском пространстве;
и моя голова, как чаша с ушами и глазами,
вмиг заполнилась тихой тайной,
мазутом средневековья —
когда там, в 13-тых веках, наступала ночь,
лишь разбойники и торговцы у костра держали нить сознания —
серебряную цепь в кровавых отблесках;
все остальные спали стоя, как кони,
в болоте бессознательного... и кто же я?
письменный стол с настольной лампой,
аквариумом, и обезьянкой в бронзе?
дрейфуем посреди
океана живой тьмы.
человек – путник в небоскребе:

сломался лифт эволюции, он может только подниматься,
а пройденные ступени осыпаются в гулкий квадратный колодец;
всего пять минут прошлого,
всего пять минут прошло, как отключили свет.
но ноутбук спасает – оранжевый жилет посреди тьмы,
/дремлют замшевые акулы темной тишины./
и я различаю голоса на кухне, уютные как тапочки;
тихий смех и круги света на потолке чутко, осторожно
плывут ко мне...

пруд затянуло льдом – как катарактой глаз.
зима – вынужденная старость мира,
еще не изобрели бессмертие, но только белую паузу
между чавканьем в саду
и размножением божьих тварей.
музыкальные, завьюженные, завихристые
паузы.
семенит странное чувство, как нутрия в коридоре
космического корабля:
медленно вращаются в звездном чреве
среди туманностей, заводов и городского смога,
оранжевые зародыши Адама и Евы.
но нет еще ни райского сада, ни планеты Эдем.
и Змей искрит – прозрачный, как провод – только как идея.
крестьянские дети на коньках – Каины, Авели, Марии —
гурьбой спускаются на твердый лед;
лодки, как конусомордые собаки прячутся в будках —
явился белый тигр с хрустальными когтями на ветвях,
ледяная крупа стучит по планшету и пальцы замерзают,
мир записывают на мир, как программу на программу,
не соизволив полностью стереть тебя.
зима зима зима.

25 час

пустой бассейн «Локомотив» —
чертог бледно-оливкового сумрака и бликов.
эхо – прозрачная раненая птица,
отталкивается перепончатыми лапами, звуком
от тяжелой, самодовольной воды.
и ты лежишь на спине – отдыхающий Иисус в плавках,
на комфортном, хлорированном распятии и.
созерцаешь пульсирующие лики
на высоком, как в храме, потолке,
течет световая пушистая чешуя...
и рыба внутри тихо радуется, как включенный компьютер,
и ты растворяешься в покое,
кристаллы ума и безумия тают,
и синяя ночь шипит шинами за громадными,
забранными сеткой окнами.
вот оно – гулкое, кафельное, стерильное чувство
вневременья.
ты сейчас то, что нельзя уничтожить, растворить, спасти.
древняя песчинка прилипла к небу разумного моллюска,
обросла мирами, миражами, оазисами и.
так хорошо потренироваться, когда все ушли,
расползлись, разъехались поджарые лягушки
в спортивных костюмах, с сырыми волосами.
а тебе нужно задержаться – после человечества,
потратить 25-й час на письма для бутылей
(слова под каплями расплываются, как сирень,
как тушь на зареванных глазищах рукописи),
потратить время на тренировку инопланетянина,
чтобы достичь большего, чем предлагает
щедрая, земная жизнь.

ЧЕКИСТ ВРЕМЕНИ

провалился мыслью – в кротовые норы воспоминаний;
нам по шестнадцать, родители на даче,
скусьваю шкурку с зеленого персика,
нетерпеливо стягиваю её трусики, точно рогатку.
вот хулиган.
канделябр на комод с одной свечей —
соглядатай средневековья – показывает «фак»,
а мы стихийно занимаемся любовью
перед зеркально-смутным трюмо,
любовью – не то слово: движения лягушек
и новорожденных лошаков,
закольцованный театр для змей
и белые мыши в главных ролях.
родинки, меловые отмели, соски,
следы от спиленных сучьев на белых деревьях;
подсматриваем друг за другом
и с шелестом вывешивается параллельная реальность,
декоративная гильотина жалюзи,
набухает вознѣй, бугристой тишиной...
и чувство – это кровать её родителей – добавляет новый обертон,
еще несколько пестрых присыпок ощущений;
щенячье удивление – первый кусок настоящего мяса в жизни.
все это – вычурное воспоминание,
пирожное с пьяной вишней,
и, присмотревшись, не ягода, а темно-винный глаз
смотрит на меня в упор,
как чекист времени с револьвером.

разбросанное, перекрученное белье,
ажурная паутина.
пещера спальни жадно дышит – выбросившийся кит,
вагон только что остановившего поезда,
и потолок наплывает на стену, в подпалинах теней
леопарды зализывают пыльные раны;
стрелы с присосками,
издыхающие поцелуи.
и нечто прикрепляется к жизни —
воображение?
создает не эликсир бессмертия, но живучую образность,
и понимаешь – ради этих слонят на обоях стоит жить,
чтобы однажды, через годы, вспомнить, провалиться,
и понять – вот это живее тебя самого.

я могу воссоздать первую любовь по запаху,
одним взмахом выхватить из небесной синевы
яро бьющуюся форель.
теплая тень, улыбка, футболка с мелким орнаментом,
девочка-невидимка, и сквозь нее
струится переливчатая мелодия тонких стволов —
березовая рощица за павильонами детского сада.
но скомкан трамвайный билет до луны.
первая любовь: в озеро с крокодилами и пираньями
вылили пузырек простоволосого счастья,
конденсат света, сказки, мур-мур, ры-ры.
акварельный мужик принимает душ,
и не жаль цветных разводов под ногами;
любовь – это свет в начале тоннеля, сужающегося
в загадочную золотистую темноту.

запах кирпича —
тысяченоздря белая крыса
с купированным хвостом
дорогу перебежала.
скульптура
серой женщины без лица,
как у вогнутой каменной ложки,
кто ты, скажи мне? кто
строит города, где мы живем, играем,
страдаем, маемся скукой, любим,
с перегаром и матом.
и ты – бежишь.
из окна маршрутки.
проезжаешь мимо рынка,
козлоногие башни высоковольтных-соплячек,
кого ты родишь, эпоха?
пожарник, вынашивающий пожар.
срамная стройка, тяжеловесное порно веществ,
материалов,
и вокруг – талый
снег в грязных распашонках,
уписавшаяся принцесса весны – недержание
птичьего пузыря.
стройка жует громадные сваи, как Черчилль
сигары. и смола —
сброшенная кожа грешников.

дождливое утро со сладостным запахом бензина —
бокал с мокрыми болтами и пылью цветущих лип;
нам некуда спешить: человечество никто не ждет.
добро и зло саморастворятся, как нож в кислоте,
престав быть злом и кислотой.
однажды и мы исчезнем, не оставив причин;
нас разделяют не времена, но окаменевшие личности,
горгульи Notre-Dame de Paris, пористый шлак идей;
Дьявол бродит среди нас, как сумрачный рыбак по мелководью,
и тихо охает – мальками душ едва прокормишься.
о, где же ты Фауст, друг, с фаустпатроном осеннего тумана...
здесь раньше шумел корабельный лес, а теперь поросль
стандартных зубочисток с мятными кончиками
в прозрачных колпаках.
мне не нравится запах эпохи —
плотный, галлюциногенный душок тотальной сытости,
запах потребителя.
так пахнет новенькая пластиковая мышеловка;
приторный дым, тонны сахара в мешках —
все, что осталось от мыслящего тростника.

туман, как чай с молоком —
аккуратно налит в лиственное блюдо сада;
тишина – прозрачная пятнистая кошка —
осторожно берет мое сознание за холку и приносит к ней,
в частный домик с распахнутым окном.
она не спит, смотрит телик,
по её лицу-планете
гуляет сиреневый космический ветер.
даже в полутьме я вижу веснушки на щеках и лбу,
будто больной осетр швырнул ей в лицо
жменю бледно-коричневых икринок:
«на, вынянчишь на солнце, а мне не выжить...»
а туман – дымчатый пес беспамятства – увязался за мной,
этот вечерний мир – чернильный кефир —
пей его глазами, ушами, затылком. пока он свеж.
и никто не заметил, как наступила ночь. но я разглядел ее.
и луна – волнистая, с неровными краями,
плавник оранжевой рыбки;
почему она не хотела исполнить моё желание? почему
я так любил зарываться в её волосы,
как вор в стог сена?
почему здесь туманы так вкусны – чай с молоком,
и девушка-осетр с зелеными глазами...

я смотрю в зимнее тяжелое небо:
от горизонта до потолка
завалено облаками,
как матрацами, или,
как склад неудавшихся статуй,
положенных горизонтально.
и дым из заводской трубы —
того же облачного качества —
клубящийся мрамор —
расточительно выдувают в небеса.

в истории не найдется место страннику с котомкой,
сапожнику в кругу лучины,
девочке с хворостиной.
в истории человечества нет ничего человеческого.
изучаем формы и виды чудовищ войны,
детективные истории, страшилки.
история человечества – спущенные бассейны времени,
кровь людей и идиотизм правителей вытекли,
осталась высохшая грязь,
бессмысленная эмалированная пустота.
пирамиды, курганы дат.
а сейчас человечество отражается в интернете:
инстаграмм, цветные тени задниц и лиц.
больной зеленоватый осетр
вяло резвится в грязных водах
с нефтяными пятнами, яркими фантиками,
мусором информации.
и в бензиновой пленке ты можешь разглядеть и свое лицо —
фотогеничный прыщик,
полудохлый малек.

на ходу выпиваю две чашки кофе,
спешу на работу в офис, раствориться.
так терминатор, визжа от восторга,
забегает в мерцающее море кислоты...
закат на фоне сине-зеленых зыбких взъерошенных змей
может, лучше замедлиться?
просунуть розу в велосипедное колесо,
стукнуть белку в колесе по голове – эй, притормози!
учится медленности.

так скалы учатся дышать – тысячелетиями —
орлиными гнездами с запахом прелых костей,
запахом холодной манки,
вспотевших буро-ржавых перьев.
все, что звучит быстрее классической мелодии
меня убивает. стирает. а жизнь
движется вперед:
идет по нашим головам вежливый слон, но я замедляюсь.
ленивая фаза. стихи в сто тысяч раз непопулярней
твоего нового маникюра или
дьявольски безупречного айфона.
ну, посмотрим, посмотрим, посмотрим.

небо над шоссе низко-низкое —
хитрая собачья морда над дымящейся кастрюлей.
однокрылый ангел рекламы
стоит вдоль дороги и на плоскости намалевано
светящейся серебряной краской
«аквафреш – вода богов»
а я – несовершенный глагол, человек в ветровке
с кусками брезента в голове
хлопаю, как птеродактиль.
вот и мой сад в стороне
от истории – доисторический тараканиум и прусак
с тяжелыми лапами и усами
стоит на задних лапах,
в белилах, в хитиновой тоске выглядывает осень.

мы разбежались как молоко
из закипающей квартиры. теперь я снова холостой.
солнце здесь скрывается за нахохленным сараем,
желток с кровью на холодной сковороде —
весь вечер с досадой выбрасываю в мусорное ве.
точно гончая с подстреленной уткой
во влажной пасти, сопящий ноздрями, ищу чистые носки.
пришлось оставить город, женщин,
подружиться с блаженным миром захолустья.
так Лорка, избежав расстрела, постаревший,
похожий на седого попугая с серьгой,
хранит шпагу в летней кухне,
выращивает виноград и огурцы. и.
искры сыплются из глаз, когда давление
сжимает имьярека, точно тубик с пастой
«аквафреш».
и если бы не интернет – в природе меня нет.

котяра по кличке ностальгия

вылизывает яйца на подоконнике, о нет.
ведь только в мумиях-снегах себя найду и снова потеряю.
лампа в абажуре – храм мух, жриц летней шизофрении.
но мне еще вернуться суждено, ишу в себе силу бумеранга,
что развернет меня и унесет, если не в юность то.
неважно, впрочем, куда.
пусть веко с длинными ресницами
отвалилось от лица
садовой куклы – голубой глаз
теперь не защищен – он беззащитен.
резиновое тело под дождями
сроднилось с садом.
так сколько лет я буду разлагаться в перегное,
в саду богов?
лежать в земле и видеть чернозем,
черную икру в серебряных глазницах
росы, рассвета
и потянусь к небу зеленой спицей,
травой. запах прошедшего дождя точно разлитый клей,
и так свежо и хочется по небу пробежаться.
но – исключено.
поэт в изгнание больше, чем поэт.
а человек? – а человека нет.

садимся на катер, маленький и тесный, как птичья скорлупа.
и куда нам плыть, куда?
но нам не хорошо и не плохо, и по-другому – семья,
лодка для двоих, троих, четверых и кота,
и всегда кто-то глупый вываливается за борт,
держи дурака – люби крепко, терпи.
снегопад, снегопад...
белый ангел с черной розой шагает по трамвайным путям,
вразвалочку как пеликан;
зима, спасибо за это, чуть тише,
но как заглушить мотор на катере, нашем катере,
чтобы сбавил обороты?
замедлить время – научи меня...
так водомерки держат целый пруд на лапках;
для игр, любви, нежности и глупости – розовая каюта из картона.
нам уютно.
наша техника, посуда, одежда и надежда,
спасательный круг из крашеного пенопласта —
то есть спасется одна?
комнаты со сверчком, стиральные порошки и
послушные джины самсунга.
наши семейные вечера, как белое вино со своего виноградника,
мы топчемся по ягодам, смеемся, расслаблены и просты.

шкодливый доктор Хаос растворяет бабочек в животе экрана —
обычным аспирином, диклофенаком;
я делаю тебе массаж,
есть в этом нечто новорожденно-тюленьё;
дочь рисует на ковре, скрестив ноги по-турецки;
банальное счастье тонущих, не тонущих, плывущих на катере.
пусть всегда будут мама, папа, солнце, я.
и Барсик... Эй, ты куда?

смысл жизни заводится с третьей попытки,
и я механически выстреливаю в небо сигнальную ракету
стихотворения.
мы тонем или нет? спасут нас или нет?
есть здесь кто-нибудь, в океане миллиардов, кроме нас?
и я держу веру, надежду, любовь, мраморный кулак,
отбитый от статуи.
нельзя уйти по волнам, взявшись за руки, но
это наша привилегия,
рай в пути, в шагах, объятиях, ошибках.
и наш катер сносит не к водопаду, и не к точкам, нет,
но к запятым бессмертия, быть может.

метр скрипучей, как пенопласт тишины —
цивилизованный Ад городка, занесенный снегом.
морозный воздух щипает щеки, как цимбалы,
специально хочет сделать больно ребенок —
белое дитя с хромированной душой, и ты
замечаешь – время зимой работает вхолостую.
буксует.
и тебя настигает мир, который принадлежит мертвецам.
царство нежизни – сиреневое, медленное цунами,
движется по пятам человечества, как мышь за котенком;
этот февраль мне снится до сих пор:
мультяшная закладка дочери среди волос в моей голове,
сиренево-стальной осетр завернутый в газету,
и мертвые словечки пропитываются слизью, чешуей,
контактными линзами; ты прочтешь – «февраль»
над входом в белый лимузин безмолвия,
отороченный следами собачьих лап: слепки, формочки
для отливки тюльпанов. зимние узкие дни —
тропинки, вырубленные в скале, в айсберге, приведут тебя
сквозь белоснежные лабиринты в супермаркет, мясной отдел;
расчлененный минотавр красный, мягкий мрамор
в пластиковых пакетах, и ты
вздрагнешь – эти минуты б/у,
отполированные множеством сознаний, как ручки дверей,
здесь уже кто-то жил до тебя,

дышал конденсированным воздухом с ароматом мандарин,
целовал этих глазастых, глупых женщин,
слушал легкую вибрацию, рекламные акции под Вивальди,
говорил мертвые словечки, общие фразы.
минуты, как сверкающие педали,
но тормозной шланг перерезан...

бетонные сады

ночь...

мы лежим на кухне на расстеленном одеяле.

девичьи груди, моченые яблоки,

бесстыдные позы, выпавший снег плоти,

мелко натертая темнота – синяя свеча на терке.

и воздух насыщен любовным планктоном, посланием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.